

ВСЕМИРНЫЙ АВТОРИТЕТ

Статья К. Н. Ломунова

ВВЕДЕНИЕ.—ТОЛСТОЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.—ПОВОРНИК МИРА И СПРАВЕДЛИВОСТИ.—«ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ».—БОРЕЦ С САМОДЕРЖАВИЕМ, КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ СТРОЕМ, КОЛОНИАЛИЗМОМ И МИЛИТАРИЗМОМ.—ЭПОПЕЯ НАРОДНОГО ГЕРОИЗМА И ГУМАНИЗМА.—«ТЕПЕРЕШНЯЯ РЕВОЛЮЦИЯ МНОГО ДУХОВНО ПОДВИНЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО».—ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДОВОГО НАРОДА ОТ «РАБСТВА НАШЕГО ВРЕМЕНИ».—ТОЛСТОЙ И ПРОГРЕСС.—«ВЫСШАЯ МУДРОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НЕ ЗА ТЫСЯЧИ ЛЕТ ДО НАС, А ТЕПЕРЬ, СЕЙЧАС».—«ЗАГАДКА» ТОЛСТОГО.—ТОЛСТОЙ-МЫСЛИТЕЛЬ.—ТЕОРИЯ «РАЗДВОЕННОСТИ» ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ.—РОМЕН РОЛЛАН И ТОЛСТОЙ.—ЛЕНИН О ТОЛСТОМ.—ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Ни один из писателей минувшего века не приобрел такой международной славы и такого влияния, как Толстой. Вместе с ростом его мирового значения, как художника, и мировой известности, как мыслителя и проповедника¹ — рос и беспримерный его авторитет, крепили и ширились его всемирные связи.

Еще в начале нашего века М. Горький писал о Толстом:

«Весь мир, вся земля смотрит на него; из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые, трепетные нити...»²

Что значили эти связи для Толстого, хорошо объяснил он сам. В один из весенних дней 1910 г., знакомясь, как обычно, с обширной почтой, доставлявшейся в Ясную Поляну, писатель сказал: «Мне совестно говорить это, но я радуюсь авторитету Толстого. Благодаря ему, у меня сношения, как радиусы, с самыми далекими странами: Дальним Востоком, Индией, Америкой, Австралией»³.

Авторитет Толстого! О том, что в мире давно существует и продолжает действовать эта могучая сила, имеется неисчислимое множество свидетельств и доказательств, зарегистрированных международной толстовианой. И если проблема всемирного авторитета Толстого вызывала и продолжает вызывать и теперь острые идеологические споры, то не по вопросу о том — существует ли такой авторитет (это ни у кого не вызывает сомнения), а по вопросу о его истоках и основах, о том, кому он служит, кто и в каких целях использует его сегодня, кому ныне принадлежит наследие Толстого и каково его значение в нашем современном мире.

В самом деле, почему и «мастера культуры» и простые люди зарубежных стран именно Толстого выбрали своим советчиком и открывали ему души в письмах, которые стекались в Ясную Поляну со всех концов нашей планеты? Что их влекло к Толстому? Что находили они в его произведениях — художественных и публицистических?

На страницах настоящего тома «Литературного наследства» читатели найдут много новых, совершенно неизвестных или не публиковавшихся на русском языке суждений, высказываний, признаний людей «эпохи Толстого», позволяющих отчетливо представить — чем привлекал Толстой

умы и сердца своих современников. Наряду со статьями, речами и письмами видных писателей, общественных и политических деятелей, здесь помещены также письма простых, ничем не примечательных людей, присланные в Ясную Поляну из многих стран мира.

Трудно переоценить значение этих документов. Иностранная «почта Толстого» представляет серьезный интерес для характеристики духовной жизни зарубежного мира в предреволюционную эпоху. Она имеет огромное значение и для летописи жизни Толстого, для изучения его трудов и мыслей. Только познакомившись с голосами живой жизни, запечатленными в тысячах писем на десятках языков народов мира, с голосами, услышанными Толстым, начинаешь понимать, что большая часть его поздних произведений — художественных и публицистических — возникла как прямой или косвенный отклик на эти голоса, до глубины души взволновавшие писателя.

«Почта Толстого» несла к сердцу писателя такие сильные токи, что он не мог обрести спокойствия до тех пор, пока из-под его пера не появлялись «Исповедь», «Одумайтесь!», «Не могу молчать» и другие произведения, возникавшие как «совокупные письма» Толстого, обращенные к его современникам. Вспомним, что и роман «Воскресение» Толстой называл «совокупным письмом». Вспомним также, что в годы создания этого произведения писатель высказывал надежду на то, что его роман будут читать миллионы.

«Совокупные письма» Толстого — его художественные и публицистические произведения — вызывали живейший отзвук в глубинах мирового общественного мнения, а иные и в глубинах народного моря. А письма, приходившие к Толстому из этих глубин, нередко заставляли его немедленно и страстно откликаться.

Переписка Толстого с его зарубежными корреспондентами, принадлежавшими к социальным «низам» общества, касалась таких наболевших вопросов времени, как эксплуатация труда, расовая и национальная дискриминация, колониальный гнет, милитаризм, разорение крестьянства и рост крупной земельной собственности, обострение классовой борьбы, разрушение семьи и падение морального уровня общества, борьба против эксплуататорского строя и пути общественного переустройства.

Знакомясь с «почтой Толстого», приходишь к выводу, что великий писатель был не только «адвокатом 100-миллионного земледельческого народа», как он называл себя (т. 76, стр. 45), но и адвокатом всего угнетенного трудового человечества.

Если в одном из своих первых писем к Толстому (1887 г.) юный Ромен Роллан спрашивал: для одного ли только русского народа пишет Толстой⁴, то позднее он уже не сомневался в том, что деятельность великого писателя была направлена на служение труженикам всей земли.

Книгу «Жизнь Толстого», впервые изданную в 1911 г., Роллан закончил словами: «Толстой никогда не обращался к привилегированным мыслителям, он говорил для простых людей — *hominibus bonae voluntatis**. Он — наша совесть. Он говорит именно то, что мы, обыкновенные люди, думаем и в чем боимся признаться самим себе. Он для нас не преисполненный спеси учитель жизни, один из тех надменных гениев, которые, замкнувшись в кругу своего искусства и мысли, вознесли себя над бренным человечеством. Он, как он сам любил называть себя в своих письмах, наш „брат“. Так повторим же за ним самое прекрасное и человеческое из всех слов — „брат“»⁵.

* для людей доброй воли (лат.).

Роллан указал здесь на едва ли не самые важные основы всемирного авторитета Толстого — народность его творчества, подлинный демократизм общественной и литературной позиции, гуманизм.

В начале своей книги Роллан отмечает, что для него, как и для всех его соотечественников, прочитавших Толстого («а таких много во Франции»), «он был больше, чем любимым художником... он был другом, лучшим, а то и единственным, настоящим другом среди всех мастеров европейского искусства...»⁶

Прославленный художник, подлинный друг простых тружеников, Толстой был непримиримым и страстным противником угнетателей и поработителей, деспотов и насильников. Безбоязненная критика несправедливого общественного устройства, стремление до конца исследовать причины социальных зол снискали Толстому огромное уважение со стороны всех, кто стоял на стороне трудящихся.

Борьба Толстого против самодержавия и помещичьего землевладения, против капитализма со всеми его порождениями приобрела в последние десятилетия жизни писателя поистине титанический и героический характер. Она в огромной степени способствовала росту его всемирного авторитета.

«В Толстом, — писал в 1908 г. голландец Лод ван Миероп, — я вижу прежде всего „героя“ — человека-великана, созданного жизнью <...> Во всем, что он говорит, во всем, что он делает, я всегда вижу в нем великого, героического человека». Развивая эту характеристику, Миероп продолжал: «Он предпринял борьбу, восстановил разум и совесть против всепринижающей власти предания, денег, церкви и государства. Он был великан и боролся как великан»⁷.

Восхищаясь мужеством великого русского собрата, Бернард Шоу писал в 1911 г. о том, что Толстой, вступив в борьбу за счастье народа, был готов обрушивать «громовые удары на двери самых страшных тюрем» и класть голову «под самые острые топоры», а тюрьмы не смеют его поглотить и топоры не смеют на него опуститься».

Шоу, как и Роллан, полностью разделял толстовскую критику «общества и искусства привилегированных»⁸. В рецензии на трактат Толстого «Что такое искусство?», написанной в 1898 г., Шоу заявил: «Все высказанные им обвинения по адресу современного общества полностью обоснованы»^{*}.

Всех честных людей, живших в эпоху Толстого, восхищала его стойкость, моральная высота и чистота его побуждений. Они видели в нем неподкупного, бескомпромиссного борца против социальных зол, против общественной лжи и фальши. Нравственная чистота Толстого также принадлежит к важнейшим основам его всемирного авторитета.

Когда началась первая мировая война и многие из тогдашних социалистов, входивших во II Интернационал, превратились в социал-шовинистов, Роллан с глубокой горечью писал в дневнике: «В Европе нет ни одного крупного морального авторитета с тех пор, как умер Толстой»⁹.

И Роллан, и Шоу, и другие видные современники Толстого ревностно оберегали его авторитет.

Так, например, Шоу, высказав свое несогласие с толстовской оценкой Шекспира, в то же время писал В. Г. Черткову: «Частным образом я не боюсь высказываться свободно о том, в чем, по-моему, Толстой ошибается. Но я хочу, чтобы для публики было вполне ясно, что я на стороне Толстого и что я приписываю большое значение и авторитетность всякому его мнению»¹⁰.

* Цитаты без указания источников приводятся из текстов, публикуемых в настоящем томе. — *Ред.*

Вступая с Толстым в спор, Шоу не хотел, чтобы его замечаниями по поводу статьи Толстого о Шекспире воспользовались буржуазные критики. Он превосходно знал, что последние не упускали случая для «сведения счетов» с писателем, которого они, подобно его «отечественным» врагам, считали опаснейшим революционером.

* * *

На страницах настоящего тома переплетаются и сталкиваются две большие темы — *«Толстой вчера»* и *«Толстой сегодня»*.

В «толстовские дни» 1960 года, когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти русского писателя, десятки книг и тысячи статей и разного рода выступлений во всех странах мира образовали как бы международный референдум, участники которого стремились ответить на следующие вопросы:

Какие мысли и чувства будит Толстой у наших современников?

Какие перемены в оценку его всемирного авторитета внесла наша эпоха по сравнению с «эпохой Толстого»?

В чьих руках находится ныне наследие писателя и кому оно служит?

Об этом говорили и делегаты Венецианской международной конференции, посвященной памяти Толстого, и участники дискуссии «Толстой и писатели современности», прошедшей на страницах парижского еженедельника «Lettres Françaises», и участники международного Толстовского симпозиума в Индии, и многочисленные зарубежные гости, приезжавшие в нашу страну в дни годовщины, и делегаты генеральной конференции ЮНЕСКО, и многие общественные и государственные деятели, и представители различных союзов и обществ трудящихся, и зарубежная печать, радио и телевидение.

За три года до толстовской годовщины журнал Организации Объединенных Наций «Курьер ЮНЕСКО» опубликовал данные об иноязычных изданиях книг писателей-классиков. Из сравнительной таблицы этих изданий видно, что Толстой в наше время занимает *первое место среди писателей всех стран* — и по числу переводов его книг на другие языки, и по количеству языков, на которые они переведены, и по числу переведенных произведений¹¹.

Так статистика подтвердила, что Толстой по-прежнему принадлежит к числу наиболее «читаемых» писателей-классиков. Бесстрастным языком цифр она показала современный уровень всемирного авторитета Толстого. Но она не объяснила и не могла объяснить — на чем же базируется в наши дни этот авторитет.

На страницах настоящего тома, как мы уже отмечали выше, сталкиваются «век нынешний и век минувший». Здесь выступают представители не только разных стран, но и разных общественных классов и групп, нередко придерживающиеся прямо противоположных взглядов и убеждений.

Вчитываясь и вдумываясь в эти противоречивые суждения о Толстом, мы видим, с какой отчетливостью отражаются в них две главные тенденции общественного развития, приведшие в наше время к образованию двух противостоящих друг другу мировых систем — социалистической и капиталистической.

Пестрота и противоречивость оценок и характеристик мировоззрения и творчества Толстого в международной толстовиане вызваны острой идейной борьбой, начавшейся едва ли не с той поры, как он вступил в литературу, и продолжающейся до наших дней. И не случайно в центре всех современных дискуссий о Толстом оказался вопрос о причинах, основах и самом содержании и значении его авторитета и влияния, вопрос

WAR AND PEACE

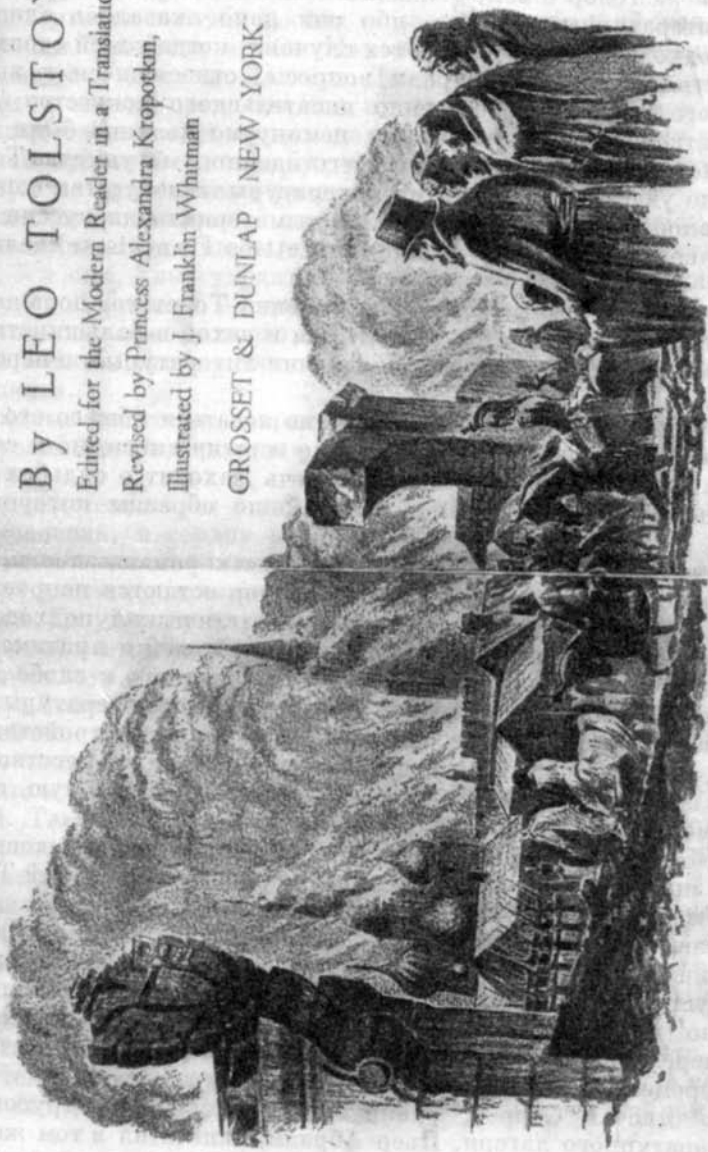
By LEO TOLSTOY

Edited for the Modern Reader in a Translation

Revised by Princess Alexandra Kropotkin,

Illustrated by J. Franklin Whitman

GROSSET & DUNLAP NEW YORK

«ВОЙНА И МИР». АМЕРИКАНСКОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ (НЬЮ-ЙОРК, 1949 г.)

Художник Дж. Франклин Уитмен

Титульный лист

о том — как, какими путями осуществляется «проникновение» Толстого в нашу эпоху, что «дает» он людям нашего века, так не похожего на век минувший.

Знаменательно, что, отвечая на эти вопросы, ни один из серьезных участников недавних международных встреч, посвященных Толстому, не мог вести разговор о нем, оставаясь в чисто литературных и тем более историко-литературных рамках, ибо они явно оказались слишком узкими и неподходящими. И даже в тех случаях, когда темой своих выступлений участники встреч избирали вопросы, относящиеся к выяснению исторического значения собственно писательского искусства Толстого, его художественного мастерства, они неминуемо должны были говорить о современном значении и влиянии всего идейного могущества Толстого, о том, как оно участвует в развитии литературы и искусства нашей эпохи и в ее духовной жизни в целом. Публикуя материалы дискуссии «Толстой и писатели современности», редакция «Lettres Françaises» сделала такое признание:

«...Какова бы ни была современная оценка Толстого, поражает то обстоятельство, что он является ориентиром и вехой в большинстве дискуссий, которые ведутся в наши дни о значении литературы и о перспективах романа»¹².

Да, говоря о Толстом, невозможно не касаться общего его значения для литературы наших дней — не только эстетического, но и социального и морального, в особенности когда речь заходит о судьбах ведущего литературного жанра — романа, величайшие образцы которого создал Толстой.

Творческие достижения Толстого в области романа-эпопеи, психологической повести, народной драмы до сих пор остаются непревзойденными. Однако *только* литературный, чисто эстетический подход к оценке этих достижений характерен лишь для тех писателей и критиков, кто хотел бы видеть в Толстом художника, равнодушного к злобе дня, далекого от современности. Для тех же деятелей литературы, которые рассматривают ее в качестве одного из средств переустройства действительности, а значит и совершенствования человека, искусство Толстого сохраняет и в наше время всю свою живую общественную поучительность, замечательный пример служения народу.

В этом отношении весьма показательна борьба мнений, возникшая по вопросу о значении для нашей эпохи величайшего из созданий Толстого — «Войны и мира».

Представительница французской школы «нового романа» Натали Саррот выступила в 1960 г. с заявлением, что это произведение Толстого безнадежно устарело. Видеть в наше время в творчестве Толстого образцы романа, по ее мнению, «значит протестовать против всякого движения вперед, парализовать все искания, идти против течения всей живой современной литературы».

Словно отвечая Саррот, французский писатель из другого общественно-литературного лагеря, Пьер Абраам, напечатал в том же 1960 г. в «Humanité» статью, которую назвал так: «„Война и мир“ — книга, которую перечитываешь без конца». Этот роман, сообщил Абраам, был его настольной книгой в дни первой мировой войны.

А писатель Луи Арагон рассказал об исключительном интересе, который был проявлен французами к роману Толстого в годы второй мировой войны. «В течение некоторого времени, — вспоминал Арагон, — всякий, кто во Франции ехал по железной дороге, обязательно встречал людей, читавших „Войну и мир“ Толстого. Этот роман, быть может, величайший из всех, какие когда-либо были написаны, стал предметом страсти французов в 1942—1943 гг. <...> Ибо все происходило так, будто

Толстой не дописал его до конца, и будто Красная армия, дающая отпор носителям свастики, наконец, вдохнула в роман его подлинный смысл, внесла в него тот великий вихрь, который потрясал наши души...»¹³

Такие же признания делает французский публицист и критик Клод Руа: «Французы и другие народы, находившиеся под властью захватчиков, обрели в эпопее Толстого исторические основания для надежды... Гитлер продвигался в глубь России со своей армией, и ей желали той же участи, какая постигла армию Наполеона. Наши подпольщики укрывались в „маки“, — и тогда Денисов, Долохов, Тихон Щербатый представлялись нам не только предками Зои и Чапаевцев 1944 г., но и отдаленными предшественниками наших партизан... Читая „Войну и мир“, мы поддавались чудесной мечте, будто читаем самую прекрасную, самую ободряющую из нелегальных газет...»¹⁴

Участник второй мировой войны писатель Морис Дрюон высказал такое пожелание: «Я хотел бы, чтобы все юноши во всем мире, уходящие на войну, — а они, увы! уходят на нее каждый день к другим Смоленскам и другим Дордоням, — чтобы все эти юноши уносили с собой „Войну и мир“. Эта книга прежде всего помогает нам узнать тех, с кем мы вместе сражаемся, а затем тех, против кого мы сражаемся. После этого наступает зрелость».

Так видные писатели современной Франции ответили на попытки представителей «нового романа» объявить «Войну и мир» устаревшей книгой!

Жизнь свидетельствует о том, что роман «Война и мир» остается для каждого человека, в сердце которого живет чувство любви к родине, одним из самых вдохновляющих произведений.

В обзоре писем фронтовиков, присланных в годы Великой Отечественной войны в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, мы читаем: «...ни одно из произведений не вызывает сейчас такого живого отклика в сердцах читателей-бойцов, как „Война и мир“ <...> „Война и мир“ стала в наши дни поистине народной книгой. Трудно сейчас учесть все влияние, всю мобилизующую силу этого романа»¹⁵.

Так было в нашей стране в самые трудные дни борьбы с гитлеровской Германией. Так было во Франции, Польше, Болгарии, Чехословакии и других европейских странах, народы которых боролись против фашистских оккупантов.

Так было в странах Азии, Латинской Америки, народы которых боролись за свое освобождение.

Как отмечал видный кубинский писатель Алехо Карпентьер, «Война и мир» была включена революционным правительством Кубы «в первый список рекомендуемых произведений».

Число подобных примеров, свидетельствующих о том, что «Война и мир» остается одной из самых современных по своему значению книг, легко умножить. Но каковы корни этой живой актуальности, на чем она зиждется?

Известный французский писатель и публицист Андре Моруа говорит: «Я всегда считал „Войну и мир“ и „Анну Каренину“ самыми прекрасными романами, вообще когда-либо написанными». Это суждение разделяют многие английские писатели. Для Чарлза Перси Сноу «Война и мир» — лучший из написанных по сей день романов; по мнению Сомерсета Моэма, «Война и мир» является самым значительным романом из написанных когда-либо¹⁶. То же самое, как это увидят далее читатели, утверждают многие другие писатели самых различных стран.

Совершенно очевидно, что эстетический авторитет «Войны и мира» как непревзойденного художественного шедевра мирового значения и в

наши дни остается таким же громадным, каким он был при жизни Флобера, Франса, Драйзера, Роллана, Т. Манна и других крупнейших зарубежных мастеров, исключительно высоко оценивших роман Толстого.

Но, кроме высочайшей эстетической оценки «Войны и мира», утвердившейся давно и остающейся незабываемой, в наши дни все более ясными становятся и другие основы всемирного авторитета этого великого произведения и его автора.

«...сегодня уже никто не сомневается в гражданской роли литературы, особенно если речь идет о романе,— говорит польский романист Ярослав Ивашкевич.— Быть может, именно поэтому в Толстом-писателе мы видим индивидуальность, соответствующую нашему пониманию роли литературы, видим писателя такого нам близкого и так нами любимого. Для нас Толстой в полном смысле слова — живой писатель».

Восхищаясь изображением в «Войне и мире» народа как творца истории, Ярослав Ивашкевич восклицает: «Можно только удивляться, сколь современен был Толстой в своем взгляде на историю...»

Схожие мысли высказал в свое время румынский критик Т. Виану, указавший, что, введя в литературу «человеческие массы», Толстой превратил «Войну и мир» в «эпопею современных демократий».

Эпопея народного героизма — вот верная оценка «Войны и мира», раскрывающая причины ее успеха у «простых» читателей всего мира. В наше время исключительное значение приобретает и другая сторона этого великого произведения — его гуманистическая направленность. Прославляя подвиг народа в национально-освободительной войне, Толстой в то же время сурово осуждает войны несправедливые, захватнические.

Ниже мы остановимся на этом моменте подробнее.

Известно, что и при жизни Толстого и много позднее иные из его критиков склонны были «признавать» лишь художественные произведения, созданные писателем до начала 1880-х годов, когда он в своей «Исповеди» объявил о полном разрыве с господствующими классами и переходе на сторону трудового народа. Некоторые критики утверждали, что крутой перелом в мировоззрении, пережитый писателем, не только не способствовал укреплению его мирового авторитета, а, напротив, подорвал и ослабил его. Буржуазная печать поспешила тогда объявить, что Толстой как писатель «кончился», что он уже неспособен создать ничего истинно великого.

Иные из критиков писали в ту пору, что все свое внимание «новый» Толстой устремил, с одной стороны, к религиозным вопросам, а с другой — к чисто русским делам. Они уверяли, что по этим причинам интерес к Толстому в зарубежных странах быстро падает и скоро сойдет на нет.

Действительность не подтвердила подобных прогнозов. Перелом в мировоззрении, пережитый Толстым, еще больше обострил его интерес ко всему происходившему в мире. «Я очень занят современностью...» (т. 73, стр. 57) — вот признание, которое с тех пор все чаще появляется в письмах и дневниках Толстого. И эти его занятия приводили к тому, что он ставил в своих новых художественных и публицистических произведениях наиболее важные вопросы жизни с не виданной прежде силой и остротой.

И можно утверждать, что та работа, которую выполнил Толстой во вторую половину своей творческой жизни, нисколько не уступает по своему значению созданному писателем в первую ее половину. И эта гигантская работа укрепила и расширила его всемирный авторитет, упрочила его мировое значение.

* * *

Русская литература, как отмечал Горький, особенно поучительна и ценна своей широтой: «Нет вопроса, который она не ставила бы и не пыталась разрешить. Это по преимуществу литература вопросов:

Что делать?

Где лучше?

Кто виноват? — спрашивает она»¹⁷.

Толстой продолжил и развил эту замечательную традицию русской литературы. Он «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»¹⁸.

Ленин очень высоко ценил «безбоязненную, открытую, беспощадно-резкую постановку Толстым самых больных, самых проклятых вопросов» своего времени и подвергал суровому обличению буржуазных либералов за «обход тех конкретных вопросов демократии и социализма, которые Толстым поставлены»¹⁹.

Как и в эпоху Толстого, нынешние буржуазные либералы, обращаясь к его наследию, обычно обходят эти вопросы или пишут о них, как о давно утративших значение и имеющих лишь историко-литературный интерес.

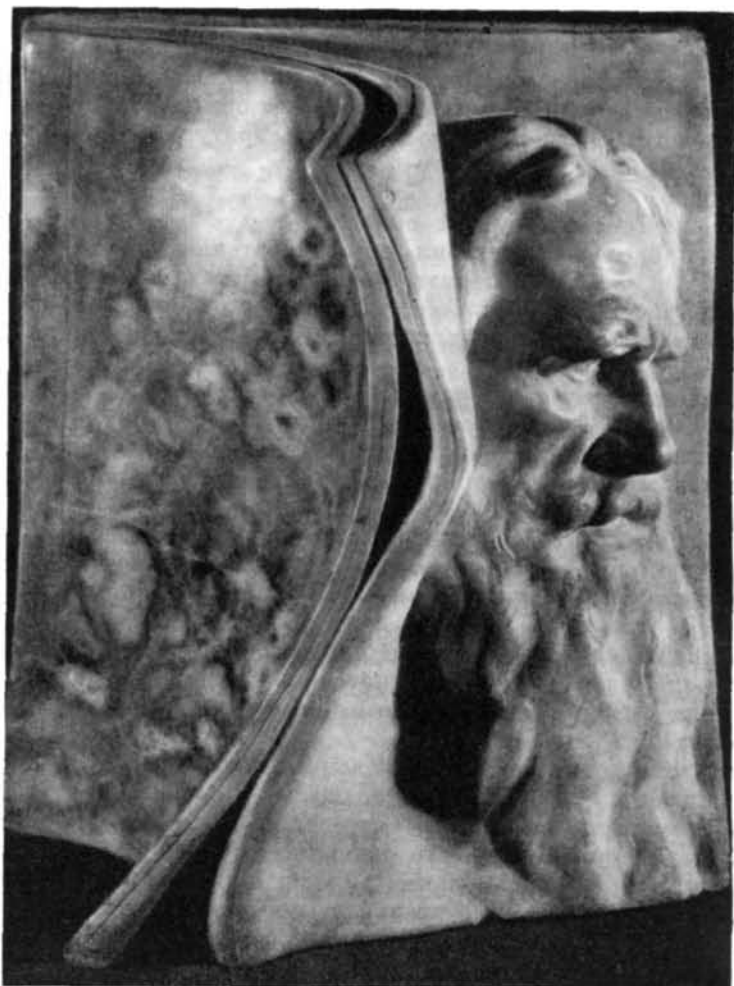
В противоположность им, наши прогрессивные зарубежные современники часто заявляют, что очень многое из сказанного Толстым звучит так, как если бы оно было сказано не десятки лет назад, а лишь вчера или даже сегодня.

Вот что, например, по этому поводу пишет Шон О'Кейси: «Иногда меня спрашивают: как вы думаете, почему произведения Толстого по сей день остаются такими же современными, как и тогда, когда они были написаны, почему его идеи находят путь к сердцам и умам стольких людей и, главное, в чем заключается „секрет“ бессмертия его книг? <...> Такова уж замечательная способность великих людей — они не только приносят славу своей собственной стране, но к тому же щедро дарят свои духовные богатства как своим соотечественникам, скажем, англичанам или русским, так и всем людям, желающим получить их».

Но главное все же состоит в том, продолжает О'Кейси, что и в наши дни миллионы людей живут в тисках нищеты и невежества и что это имеет место «не только в Азии, Африке и Латинской Америке, но и совсем под боком <...> Отсюда явствует, что эпоха Толстого мало чем отличается в этом отношении от нашей и все сказанное тогда сохраняет злободневность поныне».

В этих словах ирландского писателя заключена суровая правда социальной жизни современного нам буржуазного мира. Действительно, многие из поставленных Толстым вопросов о положении людей труда остаются и поныне нерешенными в странах капитализма. Обращение Толстого к этим вопросам определило в свое время тот огромный интерес к его социально-обличительному роману «Воскресение», который проявили простые люди буквально во всех странах мира (см. об этом ниже в публикации «Иностранная почта Толстого»). Теми же обстоятельствами в значительной мере было обусловлено триумфальное шествие драмы «Власть тьмы» по театральным сценам Франции, Италии, Германии и других стран, где с нею познакомились десятки тысяч зрителей из демократической среды.

Современные Толстому демократические читатели и зрители стран Запада и Востока видели в русском писателе художника, который не

ТОЛСТОЙ

Горельеф работы итальянского скульптора Транасси (мрамор). 1910-е годы (профиль)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

ограничивался сочувствием к угнетенным и обездоленным, а выступал их страстным защитником, борцом против социальной несправедливости.

«Власть тьмы», «Воскресение» и другие произведения Толстого о русской предреволюционной жизни воспринимались зарубежными читателями и как произведения *об их* жизни. Это и дало основание писателю Людмилу Стоянову, переведшему «Воскресение» на болгарский язык, заявить:

«Как художник и истолкователь своей эпохи Толстой занял одно из первых мест в историческом развитии не только России, но и всего человечества... Его значение как обличителя и художественного истолкователя жизни не уменьшается и остается таким же живым и действенным, каким было и при его жизни»²⁰.

Современный немецкий писатель из Федеративной Республики Германии Вольфганг Кеппен очень удачно назвал Толстого «человеком, чувствующим ответственность за весь мир»²¹.

ТОЛСТОЙ

Горельеф работы итальянского скульптора Трапасси (мрамор). 1910-е годы (фас)
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Да, Толстой был именно таким человеком. Это становится особенно ясным, когда знакомишься с тем, что он писал и говорил о судьбах русского народа и всего человечества, об угрожавших им опасностях.

Из большого круга социальных проблем и вопросов, страстно обсуждавшихся Толстым и его современниками, остановимся лишь на нескольких, — но таких, которые и в наше время принадлежат к числу наиболее острых и волнующих, затрагивающих судьбы миллионов людей.

* * *

«Самая жгучая проблема нашего времени — проблема войны и мира»²², сказано в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1960 г. в Москве. На пути человечества к свободе, миру и счастью самой тяжелой и страшной преградой была и остается война.

Эпоха Толстого была эпохой почти непрерывных войн — больших и малых. Особенно частыми и кровопролитными они стали с тех пор, как буржуазный строй вступил в период империализма.

Характеризуя этот строй, Толстой писал в статье 1896 г. «Патриотизм или мир?»: «За какое хотите время откройте газеты, и всегда, в каждую минуту вы увидите черную точку, причину возможной войны: то это будет Корея, то Памиры, то Африканские земли, то Абиссиния, то Армения, то Турция, то Венецуэла, то Трансвааль. Разбойничья работа ни на минуту не прекращается, и то здесь, то там не переставая идет маленькая война, как перестрелка в цепи, и настоящая, большая война всякую минуту может и должна начаться» (т. 90, стр. 47).

В другой антивоенной статье «Carthago delenda est», написанной двумя годами позднее, Толстой указывал: «Во всех конституционных государствах Европы <...> умышленно усложняются все больше и больше международные отношения, долженствующие привести к войне, разграбляются без всякого повода мирные страны, каждый год где-нибудь грабят и убивают, и все живут под постоянным страхом всеобщего взаимного грабежа и убийства» (т. 39, стр. 198—199).

В публицистике Толстого 1890-х и 1900-х годов большое место заняли разоблачение «тайны рождения войны», беспощадное обличение агрессоров и их адвокатов, правдивое изображение горя и страданий, приносимых войной народным массам. «Что может быть безумнее и мучительнее того положения, в котором живут теперь европейские народы, тратя большую часть своих богатств на приготовление к истреблению своих соседей...» — писал Толстой в одном из сильнейших своих антимилитаристских произведений — «Царство божие внутри вас» (т. 28, стр. 314).

Толстой прозорливо предостерегал своих современников: «Всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе» (т. 36, стр. 102).

Он указывал на опасность, которую заключали в себе реакционные идеи пангерманизма, панамериканизма, панславизма и японского реваншизма. Он открыто и резко обличал носителей подобных идей, будь это президент США «империалист и милитарист» Теодор Рузвельт, или «жалкий, ошалевший от власти» прусский кайзер Вильгельм, или «самый видный виновник» — Николай II, или «божественный» микадо, или любой другой деспот (т. 28, стр. 395)²³.

Считая этих главарей «разбойничьих гнезд» прямыми преступниками перед человечеством, Толстой превосходно понимал, что войны возникают не только по их злой воле. Причина возникновения войн лежит в насильническом характере государств и их правительств — «будет ли это правительство русского царя, или турецкого султана, или правительство английское со своим Чемберленом и колониальной политикой, или правительство Северо-Американских Штатов со своим покровительством трестам и империализмом» (т. 36, стр. 180).

Исключительной силой обличения отличались выступления Толстого, вызванные такими войнами, как итало-абиссинская («К итальянцам», 1896), испано-американская («Две войны», 1898), англо-бурская («Письмо к Г. М. Волконскому», 1899), русско-японская («Одумайтесь!», 1904) и др.

Толстой был преисполнен сочувствия ко всем народам, находившимся под игом колониализма и милитаризма. Он выражал сочувствие кубинцам и филиппинцам, жестоко страдавшим от испано-американских поработителей, возмущался зверствами, совершаемыми английскими колонизаторами в поработенной Индии, гневно бичевал агрессоров, терзавших Китай и Индокитай, выступал в защиту польских и сербских патриотов, которые вели борьбу за национальную независимость.

С ростом известности Толстого, расширением его авторитета и влияния он все чаще и решительнее стал возвышать свой голос против милитаризации государств, против колониальных грабежей и захватов, против империалистических войн.

В сознании людей и на родине Толстого, и в странах, находящихся на расстоянии многих тысяч километров от Ясной Поляны, при каждом новом факте агрессии, произвола, насилия все чаще возникал вопрос: «А что сказал бы об этом Толстой?»

Переписка Толстого с иностранцами свидетельствует, что в 1890-е и 1900-е годы многие американцы обращались в Ясную Поляну с просьбой помешать милитаризации их страны, повлиять на правительство и общественное мнение США в духе миролюбия и гуманности. Эти письма шестидесятилетней давности производят впечатление написанных только вчера или даже сегодня.

Как к «гражданину мира»²⁴ — к Толстому обращались за советом и помощью не только частные лица, но и многие общественные организации, в первую очередь те, которые выступали против войны. В самом начале 1890-х годов, в Европе был проведен ряд международных конгрессов мира. Их устроители считали своим долгом сообщать Толстому о своих целях и приглашали его принять участие в деятельности сторонников мира. Так, например, организационный комитет Лондонского Международного конгресса мира письмом от 2 июня 1890 г. пригласил Толстого прийти на конгресс и «оказать честь быть его вице-президентом»²⁵. Вскоре состоялись международные конгрессы мира в Париже и Риме. Толстой внимательно следил за их работой.

В трактате «Царство божие внутри вас» он привел многочисленные выдержки из речей, произнесенных на заседаниях конгрессов и содержащих обличение милитаризма, а также высказывания против конгрессов, с которыми выступали такие апологеты войны, как немецкий фельдмаршал Мольтке, французский академик Мельхиор де Вогюэ и др. В самых резких выражениях Толстой осудил Мольтке, утверждавшего, что «война есть один из священных законов мира» и что она «поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость». С гневным сарказмом обрушился Толстой на «утонченного» беллетриста и критика академика Вогюэ, писавшего о том, что мир «хуже» войны, так как он-де приведет общество к развращенности и упадку, что война оправдана законами истории, природы и бога. Люди, подобные Мольтке и Вогюэ, писал Толстой, «страшны, ужасны своей нравственной извращенностью» (т. 28, стр. 129).

Широко используя материалы первых международных конгрессов мира, Толстой в трактате «Царство божие внутри вас» прозорливо предостерегал от чрезмерных надежд на силу и значение «деклараций» и «заявлений». А из писем своих зарубежных корреспондентов он знал, что такие надежды питали в те годы многие искренние сторонники мира. «Ученые люди, — писал Толстой, — собираются в общества (таких обществ много, более 100), собираются на конгрессы (такие были недавно в Париже и Лондоне, теперь будет в Риме), читают речи, обедают, говорят речи, издают журналы, посвященные этой цели, и во всех доказывают, что напряжение народов, принужденных содержать миллионы войск, дошло до крайних пределов и что это вооружение противоречит всем целям, свойствам, желаниям всех народов, но что если много исписать бумаги и наговорить слов, то можно согласовать всех людей и сделать, чтобы у них не было противоположных интересов, и тогда войны не будет» (т. 28, стр. 115). Опасность положения заключалась в том, — и это раньше других уловил Толстой, — что руководители крупнейших держав кричали о мире, продолжая подготовку к войне.

«...мир проповедуют священники и пасторы в своих церквях, и общества мира в своих собраниях, и писатели в своих газетах и книгах, и представители правительства — в своих речах, тостах и всякого рода демонстрациях, — писал Толстой. — Все говорят и пишут о мире, но никто не верит в него и не может верить, потому что те самые священники и пасторы, которые нынче проповедуют против войны, завтра благословляют знамена и пушки, приветствуют, восхваляя их начальников, войска; члены обществ мира, их ораторы и писатели против войны, как только им приходит черед, спокойно поступают в военное сословие и готовятся к убийству; императоры и короли, которые вчера торжественно уверяли всех людей, что они заботятся только о мире, — на другой же день упражняют свои войска в убийствах и хвастаются друг перед другом своими приготовленияами и вооруженными к убийству скопищами, и потому раздающиеся среди этой всеобщей лжи голоса людей, которые действительно хотят мира и не на словах только, а и на деле показывают, что они точно хотят его, не могут не быть услышаны»²⁶.

В 1899 г. по инициативе такого «миротворца», как русский император Николай II, была созвана мирная конференция в Гааге. Американская газета «New York World» попросила Толстого высказать свое мнение о конференции. И писатель ответил телеграммой: «Гаагская мирная конференция есть только отвратительное проявление христианского лицемерия» (т. 72, стр. 117). Черновая редакция этого ответа начиналась утверждением, что вопрос о сохранении мира «может быть решен людьми, которые не только болтают, но которые [принуждены сражаться] сами идут на войну» (стр. 116).

Так уже в самую раннюю пору возникновения движения сторонников мира Толстой увидел в нем два «потока»: либеральных пацифистов (среди которых было немало людей, искренне веривших в действенность своих обществ, конгрессов, съездов) и народ, тяжело расплачивавшийся за губительную политику империалистических правительств.

Толстого радовало, что взгляд на войну как на зло «все более проникает в общественное сознание», и это вселяло в него надежду, что недалеко то время, «когда войны станут невозможны — никто не станет воевать»²⁷.

Но чтобы это время пришло — в борьбу за мир должны вступить широчайшие народные массы. К ним-то в поздние годы своей жизни и обращался Толстой. И от их имени он гневно говорил воинствующим правителям и тем, кто служит им: «Да идите вы, безжалостные и безбожные цари, микады, министры, митрополиты, аббаты, генералы, редакторы, аферисты, и как там вас называют, идите вы под ядра и пули, а мы не хотим и не пойдем. Оставьте нас в покое пахать, сеять, строить, кормить... вас же, дармоедов» (т. 36, стр. 143).

Толстой горячо верил, что мир победит войну, и заявлял (в докладе 1909 г. для Стокгольмского конгресса мира): «...победа наша <над зачинщиками войн. — К. Л.> так же несомненна, как несомненна победа света восходящего солнца над темнотою ночи» (т. 38, стр. 119—120).

Проблема войны и мира занимала Толстого в течение всей его долгой жизни. Противоречивость взглядов писателя осложняла предлагавшиеся им решения больших идейных вопросов. Нужно, однако, не забывать о главном: Толстой стремился решать вопросы войны и мира с гуманистических и демократических позиций. Став идеологом и защитником «земледельческого народа», он эти вопросы, как и другие конкретные вопросы демократии и социализма, рассматривал «по-мужицки», по-народному, основываясь на кровных интересах миллионов людей труда.

Конечно, в антивоенной публицистике Толстого, наряду с суровым обличением поджигателей войны, наряду с потрясающими картинами

народных страданий, мы наталкиваемся и на такие «рецепты спасения человечества», которые были рождены догмами толстовского вероучения и, прежде всего, его теорией непротivления злу насилieм. Полвека, протекавшие со дня кончины Толстого, показали всю беспочвенность и наивность этих рецептов. Но время не только не ослабило, но еще более отточило острие могучего толстовского оружия социальной критики.

Смело выдвигая на первый план борьбу за мир как важнейшую проблему современности и стремясь найти реальные способы ее решения, Толстой завоевал признательность и уважение всех искренних сторонников мира. Его смелые выступления против империализма были высоко оценены передовыми писателями Запада.

Еще в 1898 г. Бернард Шоу писал о том, что Толстой-гуманист «возглавляет Европу», высоко поднявшись «над всеми нашими чемберленами, и китченерами, и германскими императорами, и лордами-канцлерами, и другими рабами фальшивых идей и ложных страхов!».

Один из крупнейших английских писателей второй половины прошлого века Томас Харди горячо поддержал выступление Толстого против русско-японской войны. В его статье «Одумайтесь!», опубликованной в Англии летом 1904 г., Харди усмотрел «образцовый обвинительный акт против войны как современного принципа со всеми его бессмысленными и нелогичными преступлениями»²⁸.

Анатоль Франс в речи, произнесенной в Париже 12 марта 1911 г. на митинге памяти Толстого, назвал русского писателя «яростным врагом войны». Следуя примеру Толстого, Франс призывал добиваться мира «постоянным напряжением всех сил». Он говорил, что войны исчезнут не потому, что они жестоки, а потому, что перестанут действовать причины, их вызывающие: буржуазный строй и его социальные противоречия. Писатель закончил свою речь словами: «Будем же работать по мере наших слабых сил для того, чтобы приблизить эти лучшие времена, смутное и высокое предчувствие которых жило в великой душе Толстого».

Десятью годами позднее немецкий драматург Г. Гауптман писал о Толстом: «Образцом должны служить его гуманность, его кристально-чистый голос, и голос его был бы услышан, как ничей другой. И голос этот звал бы к миру, звал бы с огромной силой к подлинному миру!».

Мужественная борьба Толстого против агрессивной войны служит вдохновляющим примером для всех писателей-гуманистов нашего времени. «Толстой говорил языком борца за мир не потому, что он был пацифистом и толстовцем, но потому, что он был великим реалистом», — пишет Анна Зегерс²⁹, подчеркивая глубочайшую жизненность и действенность борьбы Толстого против войны.

Автор известной книги «Человек добр», Леонгард Франк, называл «Войну и мир» «величайшей книгой из всех написанных о войне». Отмечая, что Толстой «был величайшим борцом за новый гуманизм, за гуманизм нашего столетия, за гуманизм, который раз и навсегда заставит войну превратиться в явление прошлого», Франк называл Толстого «величайшим борцом за те условия человеческого существования, при которых человек действительно может быть добр...»

Старейший американский писатель Элтон Синклер в толстовские дни 1960 г. обратился с волнующими словами к советскому народу и ко всем людям доброй воли. Заклучая свое слово о Толстом, Синклер писал: «И сейчас он взывает ко всем людям в Советском Союзе и в моей стране и во всех других странах избежать ужасной трагедии ядерной войны, которая низвергнет на нас проклятия всех жертв будущего».

Эти от сердца идущие слова убеждают нас в том, что Толстой и теперь рядом с теми, кто борется за мир и справедливость, за равноправие и дружбу народов всех континентов и стран.

* * *

«Существующий строй жизни подлежит разрушению,— писал Толстой еще в 1895 г.— В этом согласны как те, которые стремятся разрушить, так и те, которые защищают его. Уничтожиться должен строй соревновательный³⁰ и замениться должен коммунистическим; уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим; уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражей <...>; уничтожиться должно насилие и замениться свободным и любовным единением людей» (т. 68, стр. 64).

Толстой не принимал революционного метода переустройства и преобразования общества, но в то же время он был охвачен страстным желанием «поторопить наступление нового века». Знакомясь летом 1904 г. с книгой Ипполита Тэна «Происхождение общественного строя современной Франции», Толстой сделал в дневнике следующую запись: «Читая историю франц<узской> революции, становится несомненно ясно, что основы революц<ии> (на к<оторые>) так несправедливо нападает Тэн) несомненно верны и должны быть провозглашены...» (т. 55, стр. 81).

Высоко оценивая значение «большой французской революции» 1789 г., Толстой называл «несомненными и истинными» выдвинутые ею принципы свободы, равенства и братства. Он писал в 1905 г.: «Принципы эти, так же, как и вытекавшие из них меры, как были, так и остались и останутся истинными и до тех пор будут стоять как идеалы перед человечеством, пока не будут достигнуты» (т. 36, стр. 195).

В той же статье Толстой называет разумными и благотворными практические меры, вытекавшие из «выставленных революцией несомненных, истинных принципов равенства, свободы, братства». Какие же это меры? Толстой их перечисляет одну за другой: «Уничтожение сословий, уравнивание имуществ, упразднение чинов, титулов, уничтожение земельной собственности, распускание постоянной армии, подоходный налог, пенсии рабочим, отделение церкви от государства, даже установление общего всем разумного религиозного учения» (т. 36, стр. 194—195).

Одобряя меры, проводившиеся в жизнь французскими революционерами, Толстой был уверен в том, что русская революция явится новым шагом в осуществлении идеалов свободы, равенства и братства. «Современное движение в России,— говорил он в июле 1905 г.,— движение мировое, важность которого еще мало понимают. Это движение, которое, как французская революция когда-то, может быть, даст своими идеями толчок на сотни лет. Русский народ обладает в высшей степени способностью к организации и самоуправлению»³¹.

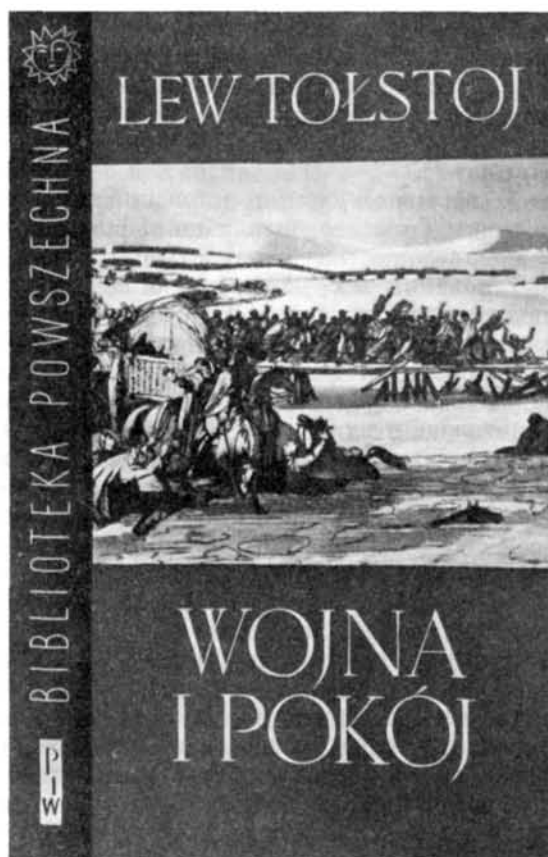
Толстой был уверен и в том, что революция одержит верх над реакцией. В разгар событий 1905 г. он обратился к защитникам старого строя со следующими словами: «...вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Все это отжило и не может быть восстановлено» (т. 36, стр. 304).

В дни первой народной революции в России Толстой нашел нужным ясно определить перед «власть имущими» свою позицию в борьбе. В письме к одному из близких родственников царя, великому князю Николаю Михайловичу, посланном осенью 1905 г., он заявил: «Я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом» (т. 76, стр. 32).

Эта твердая и определенная позиция непримиримого борца против самодержавия и помещичье-капиталистического строя снискала ему огромное уважение и любовь трудящихся масс России и зарубежных стран.

«ВОЙНА И МИР». ПОЛЬСКОЕ
ИЗДАНИЕ (ВАРШАВА, 1962)

Обложка. Рисунок
Александра Стефановского

Любовь и уважение миллионов — это был единственный щит, спасавший Толстого от расправы, которую давно хотели, но боялись учинить над ним реакционеры.

О могуществе Толстого, перед которым была бессильна самодержавная власть, рассказывает в своем дневнике издатель реакционной газеты «Новое время», А. С. Суворин: «Два царя у нас: Николай второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджимает хвост»³².

В 1902 г. Святейший синод с одобрения царя все же отлучил Толстого от православной церкви. Волна негодования, вызванная действиями «темных инквизиторов», прокатилась по всему миру. И несмотря на то, что Толстой как бы в ответ на решение Синода щедро множит свои смелые, пылкие полемические и религиозные высказывания, неустанно участвуя в социальных битвах»³³, царские власти не осмеливаются тронуть его.

Величайший авторитет был завоеван Толстым тем, что он с годами не только не отстранялся от острейших вопросов своего времени, а, напротив, все более смело участвовал в социальных битвах.

Проповедуя отстранение от политики, Толстой на деле глубочайшим образом «вмешивался» в нее, страстно откликаясь на все главные общественно-политические события времени.

В книге «Три певца своей жизни» Стефан Цвейг писал о Толстом: «Не надо поддаваться обману евангелической кротости его братских проповедей, христиански смиренной окраске его речи, ссылок на Евангелие по поводу враждебной государству социальной критики <...> Толстой больше, чем кто-либо из русских, вскопал и подготовил почву для бурного взрыва» ³⁴.

О взрывной силе толстовской критики, «колебавшей троны», современники Толстого писали по-разному: одни с восхищением, другие с раздражением, третьи с ненавистью. Это, разумеется, всецело зависело от идейных позиций тех, кто писал о Толстом. Но многие из них, в том числе люди, сочувствовавшие Толстому, не видели, что его критика вдохновлялась не только разрушительными, но и созидательными целями. Об этом хорошо сказал Ромен Роллан: «...у Толстого критика всегда имеет созидательную ценность. Он стремится построить заново; уничтожение ради уничтожения чуждо духу Толстого» ³⁵.

И действительно — Толстой совсем не похож на христианских или иных анархистов, меньше всего интересовавшихся тем, каким будет на деле то царство «абсолютной свободы», за которое они ратовали. При всем своем социальном утопизме он ставил конкретные вопросы демократии и социализма.

«Существующий строй жизни отжил свое время и неизбежно должен быть перестроен на новых началах...» (т. 28, стр. 289) — таков вывод Толстого. Для него это была непреложная аксиома, основанная на анализе реального положения вещей и на законах исторического развития человеческого общества. Изучая эти законы, писатель пришел к мысли о том, что «переход людей от прежнего, отжитого общественного мнения к новому неизбежно должен совершиться. Переход этот так же неизбежен, как отпадение весной последних сухих листьев и развертывание молодых из надувшихся почек» (т. 39, стр. 73).

О конце XIX и начале XX в. Толстой писал как о времени великих социальных потрясений: «Это времена революции» (т. 36, стр. 275).

* * *

Отстранившись от прямого участия в первой народной революции в России, Толстой тем не менее признал, что революция содействовала воспитанию и укреплению чувства солидарности и единения.

«...теперешняя революция много духовно подвинет человечество, которое становится все более и более солидарно», — писал Толстой в 1906 г. (т. 76, стр. 103). Мы поймем все значение этих слов, если вспомним, что Толстой считал «благотворным все то, что содействует единению людей», — как заявил он в одном из писем 1909 г. (т. 79, стр. 215), выразив едва ли не главнейшую из основ своей жизненной и творческой позиции. Сколь ни различны были формы его служения народу и человечеству, они определялись стремлением содействовать единению людей, помешать процессу их разобщения и раздробленности, в котором писатель видел важнейшую причину всех бедствий рода человеческого.

Что же более всего способствует единению людей, их солидарности, взаимному уважению и пониманию? Толстой так отвечал на этот коренной вопрос: «Ведь бедствия людей происходят от разъединения. Разъединение же происходит оттого, что люди следуют не истине, которая одна, а лжам, которых много. Единственное средство соединения людей воедино есть соединение в истине. И потому, чем искреннее люди стремятся к истине, тем ближе они к этому соединению» (т. 28, стр. 270—271).

В дневнике Толстого за 1889 г. мы встречаемся с мыслью о том, что основой согласия самых разных людей служит само *искание истины*.

«Достоверность знания как получить? — спрашивает Толстой. — Всегда говорят: разум? Но разум у каждого свой. Нужен авторитет: откровение, закрепленное чудом. Какой ужасный вздор. И какой софизм! Предполагается, что нужно иметь истину такую, в к<оторой> все бы были согласны. Но такой истины, в к<оторой> все бы были согласны, нет, не от того, что нет истины, но от того, что не все согласны».

Откровение, закрепленное чудесами, говорит далее Толстой, не приводит к согласию, а наоборот, ведет к еще большему разладу людей. «Нет истины, в к<оторой> бы все были согласны, но есть постоянное движение и мое, и всех людей к той истине, в к<оторой> все согласны, не могут не быть согласны. Все люди верят в такую истину и идут к ней. И в движении к истине всегда согласие. Несогласие только в предполагаемой неподвижной истине» (т. 50, стр. 82).

Трудно переоценить значение этих мыслей Толстого не только для его эпохи, но и для нашего времени! Действительно, люди всегда стремились и будут стремиться к познанию истины... Значит ли, однако, что одна часть человечества может силой навязать другой его части ту истину, в которую она верит? Толстой отвергает это в принципе, ибо такой путь никогда не приводил людей к добру и согласию. Основой согласия человечества должно быть признание права всех людей на поиски истины, ибо «в движении к истине — всегда согласие».

Люди хотят и должны знать, где им искать истину. В статье «Как и зачем жить?», написанной в 1905 г., Толстой говорил: «Обыкновенно мудрость старчества приписывают древности, т. е. временам, отдаленным от нас в прошедшем, и религиозным выражениям древности. Но это несправедливо. Точно так же, как отдельный человек, подвигаясь в жизни, все более и более освобождаясь от страстей, все более и более умудряется, так точно и человечество. Высшая мудрость человечества не за тысячи лет до нас, а теперь, сейчас» (т. 36, стр. 398).

И писателей, и художников, и ученых, и всех людей Толстой призывал понять, что современность — это главная сфера настоящей жизни. «Искусство, — писал он в дневнике 1896 г., — есть одно из проявлений духовной жизни человека <...> И потому в каждый данный момент оно должно быть — современное — искусство нашего времени. Только надо знать, где оно. (Не в декадентах музыки, поэзии, романа.) Но искать его надо не в прошедшем, а в настоящем. Люди, желающие себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющие прошедшее искусство — классическое и бранящие современное, — этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству» (т. 53, стр. 81).

Только искусство, обращенное к современности, может содействовать исканию истины, которая объединит людей, поможет им решить самые сложные вопросы их жизни. Отвечая Ромену Роллану на его первое письмо, Толстой так определил значение истинной морали и настоящего искусства: «Все, что соединяет людей, есть добро и красота; все, что разъединяет их, есть зло и безобразие». И там же: «Добро и красота для человечества есть то, что соединяет людей» (т. 64, стр. 95).

В трактате «Что такое искусство?» Толстой назвал служение делу «братского единения» людей главной задачей художника. «Искусством будут считаться только те произведения, которые будут передавать чувства, влекущие людей к братскому единению, или такие общечеловеческие чувства, которые способны соединять всех людей». В обществе, которое придет на смену капитализму, «только это искусство будет выделяемо, допускаемо, одобряемо, распространяемо» (т. 30, стр. 179).

В том же трактате Толстой предсказывал, что искусство будущего станет всенародным, но для этого необходим социальный переворот. ...Наше утонченное искусство, — писал он, — могло возникнуть только

на рабстве народных масс и может продолжаться только до тех пор, пока будет это рабство <...> Освободите рабов капитала, и нельзя будет производить такого утонченного искусства» (там же, стр. 82). Так величайший из художников минувшего века связывал судьбы искусства с судьбами народными, с освобождением трудового народа от «рабства нашего времени», как называл он капиталистическую эксплуатацию.

Толстой страстно осуждал проповедников расовой и национальной розни, видя в них прямых пособников тех правителей, кто строил свою политику по принципу «разделяй и властвуй».

Близкий знакомый Толстого, учитель его детей, В. И. Алексеев писал в своих воспоминаниях: «К национальной розни Лев Николаевич относился отрицательно. Он говорил: „Для меня равенство всех людей — аксиома, без которой мыслить нельзя“»³⁶. И когда Толстой узнавал о том, что эта «аксиома» кем-то не признавалась или нарушалась, — он весь свой гнев обрушивал на головы ее нарушителей.

Так, например, Толстой не раз высказывал осуждение той дискриминации, которой с давних пор подвергается негритянский народ в Соединенных Штатах Америки. Еще в 1903 г. он выразил негодование по поводу действий «самого передового государства Америки с ее поступками на Кубе, Филиппинах, отношением к неграм» (т. 35, стр. 209).

Годом позднее в предисловии к биографии американского общественного деятеля Уильяма Ллойда Гаррисона (1805—1879) — борца против невольничества негров — Толстой утверждал, что гражданская война в Америке за отмену рабства решила негритянский вопрос лишь «внешним образом», «сущность же вопроса осталась неразрешенной, и тот же вопрос, только в новой форме, стоит теперь перед народом Соединенных Штатов» (т. 36, стр. 97).

Шестьдесят лет прошло с тех пор как написаны эти слова, но с какой силой и злободневностью звучат они сегодня. Действительно, не с меньшей, а с еще большей остротой тот же самый вопрос стоит теперь перед народом Соединенных Штатов Америки.

В 1909 г. в Ясную Поляну пришло из Америки письмо, авторы которого Лиззи Уолкер и Марта Тайлер обращались к Толстому от лица трех тысяч негров, живших в Нью Ольбени (штат Индиана). Письмо и приложенная к нему статья «Что сказал бы Толстой о расе негров?», опубликованная в журнале «Alexander's Magazine», содержали вопли и мольбы чернокожих людей, вызванные жестоким преследованием со стороны расистов.

В ответном письме Толстой осудил и «преступность грубой толпы, совершающей эти ужасы, и еще большую бессовестность правительства, допускающего и потворствующего этим преступлениям...» (т. 79, стр. 196).

Колониализм, расизм, национальный гнет перешли из эпохи, в которую жил Толстой, в нашу эпоху, и в борьбе против них писатель выступает и сегодня как наш союзник.

Еще один из героев Толстого, Пьер Безухов, говорил в эпилоге «Войны и мира»: «...Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто!» (т. 12, стр. 293—294).

Можно сказать, что и «вся мысль» самого Толстого состояла в том же самом: соединить, сплотить всех честных людей для борьбы со «злом», какие бы формы и обличья оно ни принимало.

«Ведь как просто!» — выражая чувство самого Толстого, восклицал Пьер. Но мы видим в «Войне и мире», что и для самого Пьера дорога к этой мысли оказалась и не близкой и не простой. Такой же она была для большинства людей «эпохи Толстого». Такой же остается она и для большинства наших зарубежных современников.

* * *

Толстой принадлежал к тем художникам и мыслителям, в натуре которых, как говорил Белинский, лежит все, чем живет человечество. «Как бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человека <...>, — писал Белинский, — она не полна, если не усвоит в свое содержание интересов внешнего ей мира, общества и человечества»³⁷.

Личность, общество, человечество — на сопряжении этих высоких понятий и вырос толстовский гуманизм. «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям», — говорил Толстой (т. 54, стр. 94). Формы его служения обществу и человечеству были многообразны. Сам он указывал на устройство школ для крестьянских детей, на исполнение обязанностей мирового посредника в пору проведения реформы 1861 г., на помощь крестьянам в голодные 1890-е и 1900-е годы, а также на «религиозную помощь» людям. В этом перечне своих «добрых дел» Толстой не назвал писательской деятельности. В действительности же именно эта форма служения людям была главной — и потому, что она связывала Толстого со многими миллионами современников, и потому, что, как никакая другая, она соответствовала масштабам его одаренности, его гению.

Еще при жизни Толстого многие современники называли его титаном, повелевавшим громами и бурями. Но в те же годы стали создаваться мифы и легенды о нем, как о святом старце-затворнике из Ясной Поляны, которая уподоблялась Оптиной пустыни или другому монастырю. Церковники же не только не пытались его канонизировать, но, напротив, объявили Толстого антихристом, «исчадием адовым». Саратовский епископ Гермоген в своем «архипастырском обращении» накануне восьмидесятилетия Толстого призывал верующих не «торжествовать юбилейный день анафематствованного безбожника и анархиста, революционера Льва Толстого»³⁸.

Вокруг Толстого еще при его жизни образовался такой водоворот идейной борьбы, что многие из его современников просто терялись, то и дело сталкиваясь с полярно противоположными оценками взглядов и творчества писателя.

Критики, литераторы, ученые, деятели освободительного движения долгие годы вели споры о том, *какой же* Толстой больше всего влиял на народные массы — художник или социальный реформатор. Эти споры продолжаются и поныне.

Кроме социально-политических причин, вызывающих бурные дискуссии о Толстом, существуют причины теоретического, а точнее сказать, методологического характера. Мы имеем в виду разный подход спорящих сторон к решению большой проблемы взаимосвязей мировоззрения и творчества. Это различие в подходе читатель найдет и во многих высказываниях о Толстом, собранных в настоящей книге. Толстой и его наследие были и остаются подлинным «полем боя», на котором и поныне скрещиваются мечи тех, кто, решая названную проблему, отстаивает противоположные идейные позиции.

* * *

Далеко не всегда и не все споры о Толстом их участники доводили и доводят, как он любил говорить, «до последней степени ясности». Нередко они велись для того, чтобы окружить имя писателя ореолом легендарности, создать вокруг него атмосферу загадочности.

Известный австрийский драматург и прозаик Артур Шницлер, находившийся под сильным влиянием фрейдизма, сторонник импрессионизма и субъективного психологизма в искусстве, назвал Толстого «гением миро-

«ВОСКРЕСЕНИЕ».
ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЧЕШСКОГО
ХУДОЖНИКА
ЯНА ЯВОРСКОГО
Из книги: L. N. Tolstoj.
Vzkříšení. Praha, 1951

вой загадки». Идя вслед за Шницлером, современные фрейдисты и психоаналитики уже полностью «переключили» «проблему Толстого» в мир подсознательного, в «тайны гениальности», трактуемой ими, как аномальное явление.

Предтеча модернистских романистов Марсель Пруст, восторженно прославлявший Толстого-художника, в то же время утверждал, что его произведения построены на основе иррациональных законов, которые «остаются необъяснимыми для нас»³⁹.

В сущности то же самое недавно повторил близкий к модернизму французский романист Клод Мориак. Уподобив Толстого гениальному химику, Мориак заявил, что «главные секреты» автора «Войны и мира» и других великих произведений разгадать невозможно, и они безнадежно утрачены. Стало быть, заключает Мориак, — «в наше время меньше, чем когда бы то ни было, можно чему-нибудь научиться у Толстого. Толстой — это уже музей. Пруст еще лаборатория»⁴⁰.

Однако и некоторые из видных писателей-реалистов Запада искренне признавались, что многое в Толстом оказалось для них загадочным.

Крупнейший из английских романистов и драматургов XX века Джон Голсуорси, испытавший большое и благотворное влияние Толстого, начал предисловие к английскому изданию «Анны Карениной» словами: «Толстой — пленительная загадка». В творчестве великого классика Голсуорси находил «духовную двойственность», видя ее в том, что в нем своеобразно сочетались художник и реформатор. Все творчество Толстого представлялось Голсуорси огромным «полем сражения», такого сражения, которое, с его точки зрения, закончилось победой моралиста над художником.

По мнению современного исландского писателя Г. Гуинарсона, для многих зарубежных почитателей Толстой и донныне остается «загадочным единством многогранности»⁴¹.

Как и Голсуорси, многие из зарубежных писателей видели в Толстом «загадочное» соединение художника и моралиста, действовавших в совершенно противоположных направлениях, совершенно различными способами и в абсолютно разных целях.

Итальянская романистка Грация Деледда в статье «Последний путь», опубликованной в декабре 1910 г., писала, что весь последний период жизни Толстого «был великим бредом апостола и провидца, путника, идущего в край света и мира...» В ее представлении «поздний» Толстой был «евангельским пахарем, возделывающим жесткие земли человеческого духа, выжигающим ненужные заросли и бурьян и сеющим Добро».

Но, отдавая дань уважения «Учителю», автор статьи более всего восторгался «Художником». Толстой, заключала Деледда, «любим нами именно так, — не как „последний из пророков“, а как самый великий из современных художников».

Те же мысли и чувства выразил в статье-некрологе о Толстом будущий классик румынской литературы Михаил Садовяну. Испытав на себе огромное влияние художественного творчества Толстого и отдав дань увлечению его религиозной проповедью, Садовяну в те годы считал «позднего» Толстого апостолом-отшельником, отрешившимся от искусства. Как и у Грации Деледда, мы находим здесь прямое и резкое противопоставление Толстого-художника и Толстого-мыслителя. Откуда оно возникло, на чем основано, что за ним кроется — вот вопросы, которые непременно возникнут у читателей многих материалов, помещенных в настоящей книге.

«ВОСКРЕСЕНИЕ»,
ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЧЕШСКОГО
ХУДОЖНИКА
ЯНА ЯВОРСКОГО

Из книги: L. N. Tolstoj.
Vzkříšení. Praha, 1951

* * *

Как утверждал Горький, «Лев Толстой был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия»⁴². Надо ли удивляться, что, встретившись с одной из основных проблем толстовщины — проблемой мировоззрения и творчества Толстого, — многие зарубежные писатели, исследователи, критики испытали серьезные затруднения?

Столкнувшись с этой проблемой, одни из них закрывали глаза на противоречивость Толстого и старались представить его монолитом, отлитой из металла цельной, огромной, но, в сущности, очень простой фигурой; другие не отворачивались от толстовской сложности, но объясняли ее по-своему; третьи совсем не пытались ее объяснить, предпочитая создавать мифы о загадочности великого художника.

Еще в середине 1880-х годов некоторые зарубежные критики попытались «расщепить» загадочное единство Толстого. Такая попытка была сделана, например, автором известной в свое время книги «Le Roman Russe» Э. М. де Вогюэ. Едва ли не первым в международной толстовщине Вогюэ высказал мысль о том, что существуют два Толстых — художник и социальный реформатор. Их достоинства и недостатки он предлагал оценивать порознь.

Сравнивая Тургенева и Толстого, французский критик увидел в первом писателя, «дисциплинированного западным воспитанием», а во втором — выразителя коренных черт русского национального характера. Каких же? «Он, — писал Вогюэ о Толстом, — прежде всего и больше, чем кто-либо другой, является одновременно выразителем и пропагандистом того состояния русской души, которое называют нигилизмом»⁴³.

Критик «предостерегал» французских читателей от увлечения социальной теорией Толстого, считая, что он «сводит все обязанности, все надежды, всю нравственную деятельность к одному предмету: уничтожению общественного зла посредством коммунизма»⁴⁴. Далее Вогюэ осудил развенчивание культа Наполеона в «Войне и мире», выступления писателя против войны, церкви, самодержавия и т. д. Во всем этом ясно обнаруживалось стремление «уберечь» французское общество от воздействия «опасных» идей Толстого.

Для читателей книги Вогюэ оставалось неясным, каким образом в мировоззрении и творчестве Толстого сочетались христианский гуманизм и проповедь «русского нигилизма».

Дав своему этюду о Толстом заглавие «Нигилизм и мистицизм», Вогюэ не смог, да, в сущности, не стремился объяснить, на какой исторической и социальной почве возникали противоречия во взглядах и творчестве Толстого.

Реакционная печать нередко «проговаривалась», открывая истинные причины своего страха перед «загадочным» Толстым. Так, французская газета «Autorité», откликаясь в 1908 г. на юбилей Толстого, высказалась откровенно: «Гений Толстого как писателя неоспорим, и мы почитаем за честь приветствовать его как такового по случаю его 80-летнего юбилея. Но, увы, тем глубже и ужаснее будет влияние его как философа-учителя, насадителя разрушительных теорий!.. Жан-Жак Руссо своей чувствительно слащавой философией довел Францию до ужасов 1793 года. Дай бог, чтобы доктрина изобретенной Толстым любви не разразилась над Россией столь же трагическими последствиями»⁴⁵.

В том же духе «пророчествовал» немецкий публицист М. Гарден в своей лекции о Толстом, прочитанной в 1910 г. «Если бы толстовский идеал был осуществлен, — говорил он, — то над Россией развернулась бы ужасная ночь, как во времена Иоанна Грозного и Павла. У нас нет ничего общего с сектантством Толстого, мы знаем только художника Толстого».

Страх перед Толстым-обличителем был так силен, что на Западе, как и в России, возникла специальная антитолстовская литература, цель которой состояла в том, чтобы противодействовать влиянию его социальной проповеди на народные массы.

Добровольный адвокат немецкого юнкерства Фридрих Дукмайер выпустил в 1891 г. брошюру «Толстой, пророк или пугало?», в которой во всеуслышание и нисколько не смущаясь заявил, что произведения великого классика русской и мировой литературы «отравляют нравственную атмосферу мира». А издатель этого пасквиля в приложении добавил от себя, что он хотел с помощью Дукмайера помешать «тлетворному» влиянию Толстого на некоторые стороны немецкого народного характера.

Подобные же обвинения в 1900-е годы предъявлял Толстому президент США Теодор Рузвельт. В раздраженном тоне он писал о том, что Толстой... вмешивается во внутренние дела Америки и что русский философ и моралист «не годится» для «деловых людей» буржуазного общества ⁴⁶.

Таким образом, трубадур прусского юнкерства и герольд американского империализма в одинаковой мере ненавидели социально-политическую критику Толстого и боялись ее влияния на народы своих стран.

Любопытно отметить, что Рузвельт также «отделял» Толстого-мыслителя от Толстого-художника. Отвергая и браня первого, он признавал второго великим и гениальным.

Как видим, теория «раздвоенности» Толстого вполне устраивала даже таких реакционных деятелей, как один из самых агрессивных американских президентов.

* * *

Обеспокоенных охранителей старого порядка «утешали» состоявшие у них на службе литературные деятели. Так, немецкий критик Гуго Ганц утверждал, что в последние годы своей жизни Толстой предстал перед миром в «ненадлежащем освещении» и что многие получили о нем «ложное представление». Что же произошло с Толстым? Ганц поясняет: «Апостол покоянной проповеди, „обновитель жизни“, коммунист почти отодвинул на задний план художника Толстого...»

Однако скоро, — обещал своим читателям Ганц, — все изменится: «Политико-этические причуды филантропа, как бы глубоко они ни срослись с его существованием, будут забыты, но создания его фантазии займут место рядом с возвышенными образами Гомера, Шекспира и Гете...»

В сущности то же самое предсказывал и венгерский публицист А. Шепфлин в своем отклике на кончину писателя. «Толстой — религиозный философ, — писал он, — был лишь одной из тех многочисленных странностей, которые возникли на русской почве. И он исчез со смертью Толстого». Никогда не умрет лишь Толстой-художник. «Именно этот Толстой, — утверждал Шепфлин, — будет влиять на развитие человеческой мысли».

В том же духе высказывался тогда и бельгийский журналист Спадий. Предрекая бессмертие художественным творениям Толстого, он выражал откровенную надежду на скорую гибель его социальных и нравственных идеалов. Он писал: «Что же касается социальных утопий автора „Войны и мира“, его мечты о всеобщем братстве, справедливости и самоотречении, то боюсь, что не пройдет и нескольких лет, как они будут преданы забвению <...> и химерические мечтания Толстого постигнет та же участь, что и благородные чудачества Сен-Симона или Фурье».

Другие «оракулы», напротив того, предсказывали забвение Толстому-художнику. Например, румынская либеральная газета «Vitorul» в некрологе о Толстом высказала следующее предположение: «Толстой велик,

в первую очередь, как апостол или основоположник новой веры», а его книги «полежат еще некоторое время на прилавках магазинов, наследники заработают еще немного денег <...>, а затем все кончится». Газета обещала своим читателям «закрыть» Толстого-художника и увековечить Толстого-проповедника.

Французские, английские и немецкие «толстоисты», которых во всем наследии писателя интересовало лишь религиозное учение, старались приспособить его к требованиям буржуазного «здорового смысла». Их деятельность, основанная на противопоставлении Толстого-проповедника Толстому-художнику, в конечном итоге служила одной из форм неприятия его обличительства и его демократизма.

Иные из охранителей буржуазного строя старались уверить своих современников в том, что социальная проповедь Толстого никакой «опасности» не представляет, ибо она устремлена в прошлое. «Нам нечего бояться толстовских идей», — писал в 1887 г. критик Вильгельм Графф в журнале «Gegenwart». — Являясь в наше время, «покрытое мраком нигилизма и социализма, они только кажутся революционными и опасными; на деле же они не что иное, как применение к нашему времени и современным жизненным отношениям древних этических основных положений чистого христианства...»⁴⁷.

Надо отметить, что эта мысль о раннехристианском характере социальных и нравственных взглядов Толстого нашла широкое распространение и в русской и в зарубежной критической литературе. Графф принадлежал к тем критикам, которые сводили все взгляды Толстого к отвлеченному христианскому анархизму.

Многие из зарубежных последователей Толстого-вероучителя делали то же самое. Так, немецкий «толстоист» Эуген Шмидт причину громадного влияния Толстого на современников видел в «том глубоко захватывающем перевороте, который совершился в его мировоззрении».

Смысл этого переворота в трактовке Шмидта состоял в том, что Толстой «отрешился от основных догматов нашего просвещенного мира и примкнул к основным воззрениям первых времен христианства»⁴⁸.

Ни у буржуазных зарубежных критиков и литературоведов, ни у «толстоистов» мы не найдем верного ответа на вопрос о том, чем увлек Толстой миллионы простых людей России и всего мира? Вот, например, что писал французский журналист и ученый А. Леруа-Болье, считавшийся в свое время знатоком России: «Громадную, всеобщую славу Толстому создал Толстой-мечтатель, теоретик, отважный реформатор, давно уже явившийся и постепенно убивший в нем могучего романиста прошлых времен». На смену великому художнику явился «пророк нового времени, апостол будущего града господня». Он возвестил народам о близящемся обновлении земли, о конце всех бедствий, которое наступит в евангельском царстве любви. «Вот какой Толстой вызывал глубокое поклонение и был предметом культа у современных народных масс», — заключал Леруа-Болье.

Нужно сказать, что и весьма видные писатели Запада были близки к такой же точке зрения, когда искали причины феноменальной популярности Толстого в народной среде. Правда, они не отвергали, подобно Леруа-Болье, влияния Толстого-художника, но считали, что роль художника сводилась к тому, что он помог пророку и проповеднику завоевать признание. «...если бы не колоссальный талант художника, — писал польский романист Г. Сенкевич, — разве принципы, проповедуемые Толстым, находили бы такой широкий отклик, разве стали бы проблемами, над которыми задумываются величайшие умы Европы? <...> Толстой не только великий писатель, он глашатай свободы, великий защитник угнетенных и страстный поборник общечеловеческих идеалов».

«АННА КАРЕНИНА». ИРАНСКОЕ
ИЗДАНИЕ (ТЕГЕРАН, 1954)

Суперобложка

Резкое противопоставление Толстого-художника и Толстого — социального мыслителя характерно для публикуемых в настоящем томе высказываний Грации Деледда, Герберта Уэллса, Михаила Садовяну, а также Арнольда Цвейга, Лиона Фейхтвангера и др.

И лишь немногим из писателей Запада удалось преодолеть этот глубоко ошибочный подход к Толстому. Одним из них был Ромен Роллан, испытавший на своем сложном творческом пути плодотворное воздействие ленинской трактовки взглядов и творчества Толстого.

* * *

Чтобы понять, что значило для Ромена Роллана обращение к статьям Ленина о Толстом, достаточно сопоставить такие работы французского писателя, как «Жизнь Толстого», «Толстой — свободный мыслитель» и «Ленин. Искусство и действие».

Статью «Толстой — свободный мыслитель» Р. Роллан написал в мае 1917 г.⁴⁹ Поводом для нее послужил дневник Толстого, опубликованный тогда в Женеве П. И. Бирюковым. Автор статьи славил Толстого как «свободную совесть», далекую от «классовой, кастовой, национальной, религиозной» или какой бы то ни было иной догмы. «Душа, осмеливающаяся свободно и искренно смотреть на все своими собственными глазами, любить собственным сердцем, судить собственным разумом, осмеливающаяся быть не тенью, а человеком», — таков Толстой. Как ни возвышенны эти слова, но за ними вырастает фигура не Толстого — социального

критика и протестанта, а пророка, одиноко стоящего «над схваткой»⁵⁰, христианского анархиста, далекого от «толпы», порвавшего всякие связи с людьми, в том числе и с теми, в защиту которых он поднимает голос⁵¹.

Здесь, как и в других работах о Толстом, Роллан говорит о его сложности. «В гении Толстого,— пишет он,— заключен гений нескольких человек: в нем живет великий художник, великий христианин, и вместе с ними уживается существо необузданных страстей и инстинктов. Но по мере того как движется жизнь и расширяются границы ее царства, начинаешь яснее видеть то, что управляет ею,— это свободный разум. Свободному разуму хочу я воздать здесь хвалу»⁵².

Роллан ставит здесь знак равенства между понятиями «свободный разум» и «свободная совесть» и провозглашает Толстого ее «самым ярким примером».

Итак,— великий художник, великий христианин, человек необузданных страстей и, наконец, свободная совесть — вот слагаемые, из которых в ту пору Роллан лепил образ Толстого. Нельзя отказать этому образу ни в красочности, ни во впечатляющей силе. Но нельзя не увидеть и его условности, его полной оторванности от национальных, исторических и социальных корней, создавших и питавших «оркестровую» сложность Толстого — художника и мыслителя.

Увидеть эти корни помогли Роллану ленинские статьи о Толстом. «Для историка литературы,— писал Роллан в своей работе „Ленин. Искусство и действие“ (1934),— интересно было бы точно понять, что именно в таких людях, как Руссо, Дидро, Вольтер, во всех великих художниках-предтечах опережает их самих, что в них принадлежит (хотя они сами об этом и не подозревают) грядущему, от которого, если бы они могли его предвидеть, они бы отреклись. Именно эту работу с присущей ему стремительной и ясной прямоотой начал Ленин в отношении писателя, которого он особенно любил...»⁵³

Роллан прозорливо указывает здесь на те истинно новаторские пути, по которым Ленин смело повел изучение мировоззрения и творчества Толстого, раскрывая истинный смысл и корни его противоречивой сложности. Понадобился гений Ленина для того, чтобы сложнейшая проблема толстовского наследия получила свое истинно научное объяснение.

* * *

Ленинскую концепцию Толстого от всех предшествовавших ей трактовок наследия писателя отличают глубокий историзм, масштабность, цельность и полная определенность суждений и оценок. Исполинская фигура Толстого была впервые осмыслена исторически: все сложное и противоречивое многообразие идей писателя взято и объяснено Лениным в его истоках и диалектическом единстве развития.

В отличие от Плеханова и многих других авторов, писавших о Толстом, Ленин не делит его на художника и мыслителя и не противопоставляет одну «половину» другой. Он видит действительно «кричащие противоречия» не только в толстовском учении, во взглядах, в «школе», но и в произведениях Толстого⁵⁴. По Ленину, не только Толстой-проповедник, учитель жизни, а весь Толстой соткан из противоречий. И эта противоречивость не «раздваивает» писателя, а образует сложное единство.

Вот что Ленин говорит о мировом значении Толстого: «Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции»⁵⁵.

А вот как Ленин определяет характер связей Толстого с эпохой подготовки первой народной революции в России: «...Толстой поразительно

рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость»⁵⁶.

Определяя исторические рубежи эпохи Толстого, Ленин пишет: «Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года»⁵⁷.

В другой статье Ленин указывает, что слабость и бессилие дореволюционной России «выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника»⁵⁸.

Характеризуя эпоху Толстого как эпоху быстрой, тяжелой и острой ломки всех старых «устоев» старорусской жизни, Ленин говорит, что эта ломка «и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя»⁵⁹.

И это единое, целостное восприятие характеризует весь цикл ленинских работ о Толстом. Все, что в них сказано о Толстом — о его противоречиях, о сильных и слабых сторонах, о его национальном и мировом значении, о связях с эпохой, о его отношении к освободительному движению, об исторической роли его наследия и т. д. — сказано так, что нам виден *весь* Толстой — и художник, и мыслитель, и публицист, и философ.

Ленин учит нас брать наследие Толстого в целом. Но это вовсе не значит, что он учит нас уравнивать, уравнишивать все стороны этого наследия. Однако разграничительные линии между ними Ленин проводил совсем иначе, чем это делали его предшественники и современники. Ленин различает, разграничивает сильные и слабые стороны как в художественном творчестве Толстого, так и в его мировоззрении, отделяет то, что в произведениях и взглядах писателя отошло в прошлое, от того, что в нем принадлежало будущему.

Ленин видит величие Толстого в том, что он стал голосом трудового земледельческого народа, выразителем «тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России»⁶⁰. Первостепенное значение крестьянской темы в художественном творчестве и публицистике Толстого Ленин подчеркивает в итоговой оценке мировоззрения писателя: «...совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции»⁶¹.

В статьях Ленина о Толстом с предельной ясностью обрисованы сильные и слабые, революционные и противореволюционные стороны взглядов писателя, в которых с зеркальной верностью отразилась кричащая противоречивость крестьянской идеологии.

Очень важно указать здесь на то, как определял Ленин главные, решающие черты крестьянской идеологии. Важно потому, что это имеет прямое отношение к ленинской оценке наследия Толстого.

В статье «Пересмотр аграрной программы рабочей партии» (1906 г.) Ленин писал: «Реакционные элементы есть во всем крестьянском движении и во всей крестьянской идеологии, но это нисколько не опровергает общего революционно-демократического характера всего этого движения в целом»⁶².

Эта характеристика крестьянского движения и его идеологии полностью приложима и к Толстому. Ни наивность, ни утопизм, ни апелляции к «духу», ни наличие иных «реакционных элементов» в постановке и решении Толстым острых и больных вопросов своего времени не «отменяют» ни того, что они входили в круг конкретных вопросов демократии и социализма, ни того, что в них нашел отражение революционно-демократический характер крестьянского движения.

Ленин решительно осуждал тех, кто пытался свести идейное содержание произведений Толстого к отвлеченному «христианскому анархизму». Разоблачая народников, буржуазных либералов, меньшевиков, «толстовцев» — всех, кто, искажая подлинное содержание творчества Толстого, превращал в догму самые слабые стороны его учения, Ленин указывал: «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному „христианскому анархизму“, как оценивают иногда „систему“ его взглядов»⁶³.

Ленин учит нас судить о значении великих людей прошлого не по слабым и ошибочным сторонам их взглядов и творчества, а по тому истинно великому, что было ими создано. Ленин указывает, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали* нового сравнительно с своими предшественниками»⁶⁴.

Ленин показал в статьях о Толстом, насколько различно было отношение к наследию писателя со стороны различных общественных групп, классов и партий. Он разоблачил попытки буржуазных дельцов «примазаться» к авторитету великого имени Толстого и заработать на нем «политический капитал».

Всемирное значение Толстого Ленин видел в том, что, благодаря его гению, эпоха первой русской народной революции выступила как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Установив неразрывную связь мировоззрения и творчества великого писателя с народной революцией, Ленин показал, в чем состояло значение Толстого и для его эпохи и для будущего.

* * *

Шесть десятилетий протекло с тех пор как в России произошла «генеральная репетиция Октября» — первая народная революция, зеркалом которой Ленин назвал творчество Толстого.

Октябрь придал процессу революционного преобразования мира стремительный и неудержимый характер. С его развитием связан громадный рост престижа и влияния нашей Родины.

Рост известности и влияния Толстого, упрочение его всемирного авторитета неразрывно связаны с этими великими динамическими процессами.

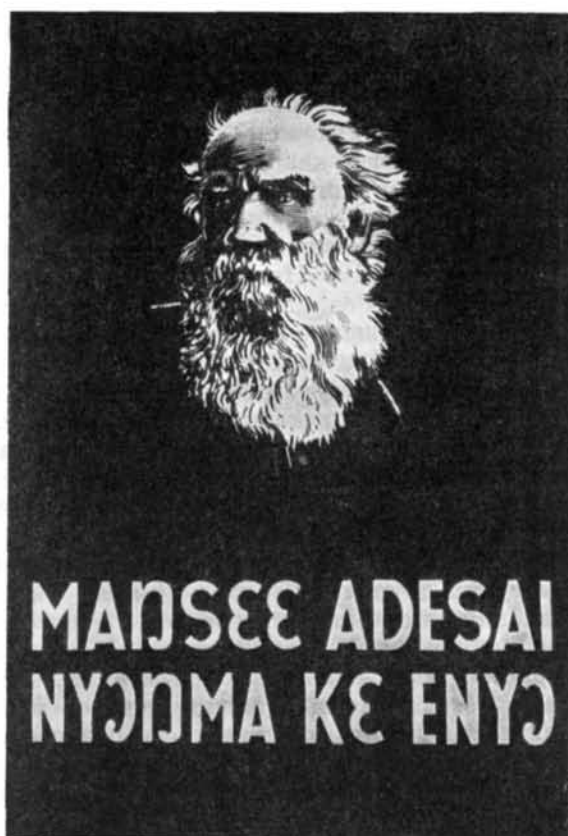
Глубоко прав известный негритянский писатель и ученый Уильям Дюбуа, подчеркнувший, что и в дальнейшем слава и авторитет Толстого будут «расти и шириться вместе с размахом социализма». Как бы развивая эту мысль, старейший немецкий писатель Арнольд Цвейг говорит, что Толстой помогает поколениям уяснить главное — движение от настоящего к будущему, освещенное светом социализма.

Сегодня, как полвека и более назад, наследие Толстого всеми сильными сторонами связано с борьбой передовых людей за гуманизм и прогресс, за мир и демократию, за переустройство общества на социалистических и коммунистических началах.

Нет сомнения, что в наше время влияние Толстого стало еще более многозначным и многообразным, чем при его жизни. Это и не могло быть иначе, ибо к проблемам и вопросам, волновавшим современников писа-

СБОРНИК РАССКАЗОВ ТОЛСТОГО.
ИЗДАННЫЙ НА ЯЗЫКЕ ГА
(КЕЙП-КОСТ, 1958)

Обложка

теля и во многом сохранившим значение до наших дней, прибавилось немало новых, не менее острых и сложных.

С рождением атомного века человек стал властелином могущественных сил. Но эти же силы, если они попадут в руки безумцев, могут привести мир к катастрофе.

Опасность термоядерной войны — самой большой из всех бед, когда-либо угрожавших человечеству, — накладывает свою печать и на все аспекты нынешней жизни, в том числе и на отношение наших современников к великим духовным ценностям, созданным в прошлые эпохи. Одни из людей видят в них средство для утешения от всех бедствий и зол современности. Другие пытаются произвести их девальвацию, доказать, что они устарели и не могут служить духовной пищей для людей атомного века. Третьи берут эти ценности на вооружение, ведя самоотверженную борьбу за лучшее будущее человечества.

В международной толстовиане, как заметит внимательный читатель настоящего тома, встречаются все три типа этого отношения к наследию писателя. Нам остается добавить, что преобладающим из них является третий, и это вполне соответствует масштабам значения Толстого в современном мире.

Международная толстовиана содержит множество свидетельств жизненности могучей традиции великого русского писателя, ее органической связи с передовой литературой и искусством нашей эпохи.

Тридцать лет назад Ромен Роллан писал в статье, посвященной успехам советской литературы: «...В своей основной линии лучшие новые произведения (как шолоховские) идут от большой реалистической

традиции предшествующей эпохи. Традиция эта, по-моему, является сущностью русского искусства, и обессмертил ее Толстой. Те же обширные картины человеческих масс в окружающей их природе, та же объективность взгляда, который отражает, не искажая, всю широту поля зрения автора; так же художник отступает на задний план перед объектом своего творчества, тогда как на Западе искусство слишком часто бывает гримом, покрывающим лицо реальности...»⁶⁵

Своеобразие советской литературы — передовой литературы нового века — Роллан видел в ее необычайной целеустремленности, в четкости ее идейных задач: «Новый век знает, куда он идет, и идет страстно»⁶⁶.

К выводам Роллана о значении и силе традиции толстовского реализма охотно возвращаются многие зарубежные писатели и исследователи литературы. Так, в «толстовские дни» 1960 года индийский литературовед Шивдан Сингх Чаухан выступил в Москве с речью о влиянии Толстого на литературу и общественную мысль Индии. Он подчеркнул, что влияние реализма Толстого сказалось в произведениях многих крупнейших писателей мира. «Реалистическая традиция Толстого <...>, — отметил Чаухан, — несомненно составляет основное течение мировой литературы сегодняшнего дня».

В те же дни упомянутый выше кубинский писатель Алехо Карпентьер выступил со статьей «Значение Льва Толстого для Латинской Америки». Главная мысль этой интересной статьи состоит в том, что молодая литература Кубы, а вместе с нею и молодые литературы других государств Африки, Азии и Латинской Америки, завоевавших или завоевывающих свою независимость, должны учиться у Толстого тому, как в больших эпических полотнах запечатлеть подвиги своих народов.

Так говорят представители молодых литератур, история которых начинается со времени завоевания их народами независимости. Но о своей «приверженности» к Толстому говорят и представители «старых» литератур Запада.

Французский писатель — академик Андре Моруа в «толстовские дни» 1960 года заявил, что ныне «более чем когда-либо нам нужен Толстой». Это признание Моруа обосновывает чисто эстетическими доводами: никто еще не превзошел Толстого в искусстве слова. А его соотечественник, писатель-коммунист Пьер Декс, кроме эстетических доводов, для обоснования этого вывода приводит нравственные и политические доводы.

Закljučая дискуссию «Толстой лицом к лицу с писателями наших дней», проведенную на страницах «Lettres Françaises», Декс так ответил литераторам-модернистам, «отвергающим» Толстого: «Признавать лишь исключительное, индивидуалистическое, патологическое и начисто отрицать великодушные, братство людей, этическое начало — не значит ли это предавать человека?»⁶⁷

Таково, по мысли Декса, главное значение «уроков Толстого» для современных писателей. Следовать Толстому сегодня — значит с такой же, как он, самоотверженностью служить человеку и человечеству, защищая их от всех угрожающих им зол и опасностей.

Великолепную характеристику и оценку «уроков Толстого» дал в свое время Анатоль Франс, подчеркнувший, что и творчество великого писателя, и его общественная деятельность, и его личность достойны глубочайшего уважения. «Толстой, — говорил Франс, — это великий урок. Своим творчеством он учит нас, что красота возникает живою и совершенною из правды, подобно Афродите, выходящей из глубин морских. Своей жизнью он провозглашает искренность, прямоту, целеустремленность, твердость, спокойный и постоянный героизм, он учит, что надо быть правдивым и надо быть сильным <...> Именно потому, что он был полон силы, он был всегда правдив! Слабость не может проповедовать истину...»

В своей речи о Толстом Франс подчеркнул близость его русской души людям Запада. Его соотечественник, поэт и драматург Жан Ришпен, наоборот, усиленно подчеркивал отличие «славянского гения» Толстого от «латинской души». В статье о Толстом, написанной в 1910 г., противопоставляя латинскую (западную) и славянскую (восточную) культуры, Ришпен проводил мысль о том, что «наши души в настоящее время непроницаемы друг для друга».

Мы помним, что подобные «идеи» сослужили пагубную службу и в годы первой и в годы второй мировых войн. Их опасную сущность неизменно разоблачали те, кому дороги судьбы мира.

Прямой полемикой с утверждениями Ришпена прозвучал некролог Толстого, написанный известным французским критиком Ж. Эрнестом-Шарлем. «Благодаря Толстому, — говорил он, — мы соприкоснулись с русской душой. Благодаря владычеству его творений мы сумели лучше понять владычество нашего собственного искусства. Творчество Толстого одновременно национально и общечеловечно; вот почему оно царит над всеми умами во всем мире».

Мы знаем, что и в наше время враги мира пытаются использовать старое отравленное оружие расизма и национализма и противопоставить славянские и западные народы.

В «толстовские дни» 1960 года красной нитью через все высказывания зарубежных представителей о Толстом прошла мысль о том, что его творчество и сегодня служит могучим средством единения людей. Эта мысль является лучшим свидетельством незыблемости его всемирного авторитета.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19.

² М. Г о р ь к и й. Собр. соч. в тридцати томах, т. 14. М., 1951, стр. 280.

³ А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого, т. II. М.—Пг., 1923, стр. 17.

⁴ «Лит. наследство», т. 31-32, 1937, стр. 1007—1008.

⁵ Ромен Р о л л а н. Собр. соч. в четырнадцати томах, т. 2. М., 1954, стр. 359—360.

⁶ Там же, стр. 219.

⁷ «Международный толстовский альманах». М., 1909, стр. 112—113.

⁸ Л. Н. Толстой. Сборник статей. М., 1955, стр. 464.

⁹ Т. М о т ы л е в а. О мировом значении Л. Н. Толстого. М., 1957, стр. 441.

¹⁰ «Лит. наследство», т. 37-38, 1939, стр. 631. Письмо от 19 ноября 1905 г.

¹¹ «Курьер ЮНЕСКО», 1957, II, стр. 9.

¹² «Lettres Françaises», 1—7. IX 1960.

¹³ Louis A r a g o n. Littératures Soviétiques. Paris, 1955, p. 16.

¹⁴ «Europe», 1947, № 6, p. 89.

¹⁵ Е. П р и в а л о в а и К. М у р а т о в а. Культурный рост наших фронтовиков.— «Звезда», 1943, № 4, стр. 89—90.

¹⁶ «Tolsztoj Emlékkönyv». Budapest, 1962, о. 422—423.

¹⁷ М. Г о р ь к и й. История русской литературы. М., 1939, стр. 4—5.

¹⁸ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 19.

¹⁹ Там же, стр. 23.

²⁰ Л. Н. Т о л с т о й. «Възкресение». Преведе от русски Людмил С т о я н о в. София, 1947, стр. 18.

²¹ «Tolsztoj Emlékkönyv», Budapest, 1962, о. 431.

²² «Правда», 19 июля 1964 г.

²³ Д. П. М а к о в и ц к и й. Яснополянские записки (запись от 3 мая 1905 г.).— Сб. «Творчество Толстого». М., 1954, стр. 395, 399.

²⁴ Так назвал Толстого американец Уильям Ллойд Гаррисон. См. «Международный толстовский альманах», стр. 23.

²⁵ Текст письма (на английском языке) за подписью членов Организационного комитета конгресса Дерби и Грина. (Не опубликовано. — А.Т.)

²⁶ «Лит. наследство», т. 37-38, стр. 600.

²⁷ А. Б. Г о л ь д е н в е й з е р. Вблизи Толстого. М., 1959, стр. 146.